

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

19 АПР 1984

1984

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

ПОЛ НЬЮМЕН НА ЭКРАНЕ И В ПИКЕТЕ

После еще одной, уже шестой по счету попытки он, кажется, смирился.

«Если и суждено мне получить «Оскара», — говорил как-то он, — то я его получу, когда мне будет под девяносто. Не настоящего «Оскара», а почетного. Того, которого дают за так называемый «жизненный вклад в кино». Мне будет под девяносто. Меня вынесут на сцену на носилках — таким я буду немощным. Я высвобожу руку из-под простыни — или чем там меня накроют? — и схвачу статуэтку. Со всей силой...»

И в этом году его на «Оскара» не выдвинули. Слабоватой получилась картина. Как связывал какой-то рецензент, «наметки, конечно, были на что-то крупное...» Ну не получилась, и все. Сам он считает, что это оттого, что ему пришлось быть не только исполнителем главной роли, но и режиссером, и продюсером.

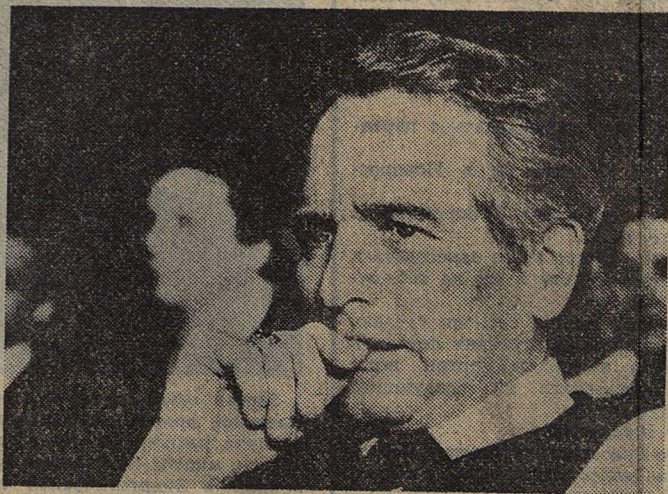
Не получилась картина под названием «Гарри и сын». Рецензии разгромные. Ньюмен их не читал. Он вообще рецензий не читает. Говорит, что если они прекрасные, то «успех бьет в голову», если так себе или дрянные, то «потом недели три в себя прийти не можешь».

А мне, например, не ясно, почему Ньюмен жалуется на себя. О том, как он справился с ролью продюсера, судить не берусь. Как режиссер, он скорее склонен к постановкам театральным, со многими актами и с большими перерывами между актами, поскольку фильм «Гарри и сын» — это скорее сборник отменно поставленных сцен, которые существуют, однако, как бы сами по себе и между собой почти не связаны. Это не слабость конструкции, это не пунктирность сюжетной линии. Это, как кажется мне, режиссерская манера, это — стремление все бросить на главное, вложить в главное всю силу, весь блеск.

А как актер... Как актер Ньюмен — это Ньюмен. В одной и той же сцене он может быть глубоким стариком и парнем, лет на тридцать моложе своих пятидесяти девяти лет. Без всякого грима.

Ньюмену пятьдесят девять? Трудно поверить в это. Особенно когда он улыбается... А вон как по слухам — всегда дьявольски много этих слухов! Когда говорят о «звездах», а тем более о «суперзвездах», — Ньюмен увертывается от старения тем, что каждое утро устраивает ледяные ванны своему медальному лику, а потом пробегает миль по три легкой рысцой. Говорят еще, что... О нем говорят многое. Наверное, говорили бы чуть меньше, живи он в Беверли-Хиллс. Но Ньюмена можно считать отшельником среди «звезд» и «суперзвезд». Отшельником и большим оригиналом. Интервью с ним — редкость. Как редкость и то, что он «бездыханно женат» уже четверть века и живет не в Калифорнии, а в штате Коннектикут, в Уэстпорте. Отшельничество Ньюмена компенсируется пронзительностью и избирательностью репортеров, которые за отсутствием точной информации обращаются к им же самими создаваемым слухам.

А слухи всегда слухи, даже

если они безвредные, как, скажем, слух о том, что ежеутренне Ньюмен вываливает в раковину пакет льда, зажимает зубами резиновый шланг — дабы можно было дышать — и минут на двадцать опускает голову в эту арктическую мешанину. На обывателей такие слухи действуют. Обыватель тем и проявляется себя, что живет слухами.

На внимание обывателей герои и антигерои реагируют по-разному. Одни помешаны на экзибитионизме, с наслаждением позируют у замочных скважин. Другие, к чрезмерному вниманию идолопоклонников равнодушны. Третьим оно невыносимо.

Пол Ньюмен в числе третьих. Это признают те, кто близко знает его. А близко знают его немногие. Того же Роберта Рэдфорда, с которым Ньюмен снялся в двух лентах, вызвавших огромный зрительский интерес, с которым он готов считаться еще и еще, Пол относит к категории «хороших знакомых». Не более того. Но те немногие, кого он считает своими друзьями, повторяют: обыватель невыносим для него.

Как говорит сам Ньюмен, «есть два типа поклонников. Одни, встречая тебя, благодарят: спасибо за фильм, или же — я ценю ваши политические взгляды. Другие считают тебя своей собственностью, каким-то недочеловеком, который выпущен на экран только для того, чтобы удовлетворять своим прихотям. Они привыкли получать и командовать. Эй, Пол, сними картинку, так тебя не разглядеть! Пол, улыбайся! Пол, встань там, у стенки, а то в объектив не влезает!»

«Мне неприятно с такими, — добавляет Ньюмен, — я чувствую, что в душе у них восторг, нет ко мне никакого уважения. А в Уэстпорте мне спокойно. Там никто не дергает нас. Там к нам привыкли. Никто не окочалчивается у дверей. Иногда, правда, появляются туристы. Но автографов не добиваются.

...Пол Леонард Ньюмен родился в 1925 году в семье довольно состоятельного торговца спортивными товарами. В колледже занимался экономикой. Когда началась война, решил пойти во флот, но зачислен не был: оказался дальтоником. Стал служить радистом. После войны — тот же колледж. Пробовал силы в студенческой футбольной команде, но был с треском выставлен оттуда после

затеянной им драки. Записался в драматическую студию. Как вспоминал потом ее тогдашний руководитель, «Ньюмен доставлял нам всем немало хлопот. Не было ни одной пьесы, в которой он не хотел бы играть, в которой не требовал бы главной роли». Сам Пол признает, что актером был никудышным. «Единственное, чем я отличался, — это работоспособностью. На эмоции был неспособен. Вообще мне казалось, что быть актером — значит выставлять себя напоказ в самых дурацких ситуациях».

Как бы то ни было, но вскоре после окончания колледжа Пол Ньюмен поступает в драматическую школу Йельского университета. Никакого особого влечения к этому не было, вспоминает он, лишь стремление избежать того, что досталось мне после смерти отца, — бизнеса. Еще через год Ньюмен уже был на Бродвее. Пара пустячных ролей в пустячных телесериалах, а одновременно — учеба в престижной драмстудии Ли Страсберга, давшей Америке самых блестящих актеров.

И вдруг — удача, та, не столь уж и нечаянная в актерской судьбе, удача, когда все идет так, как тебе о том и не мечтаешь: приглашение подменить исполнителя главной роли в бродвейском «хите» пятидесятих — «Пикник». Спектакль не сходил четырнадцать месяцев, получил Пулицеровскую премию, а для Ньюмена стал путевкой в Голливуд, приглашением к щедрому по тем временам контракту со студией «Уорнер бразерс».

Первым фильмом была «Серебряная чаша». Нечто из религиозного быта Древней Греции. О «достоинствах» фильма можно судить хотя бы по тому, что, когда многими годами позже Ньюмен решил прокрутить эту ленту для своих друзей у себя дома, он предварительное снабдил гостей кастрированными ложками: дабы тем проще и громче можно было выразить свое «Ф».

После «Серебряной чаши», которую Ньюмен считает «худшей лентой, когда-либо создававшейся в Голливуде», вновь Бродвей, ведущая роль еще в одном боевике — «Часы отчаяния». Но его все же уговорили вернуться на «фабрику гримов». Со второй ленты — «Кто там, наверху, любит меня», в которой Пол играл роль Роки Грациано, боксера-профессионала, и началась его

карьеря киноактера. О Ньюмене заговорили. Фильмы пошли один за другим. Сейчас их уже — если я не ошибся в подсчетах — пятьдесят.

Пятидесятым был «Гарри и сын». Тот самый, сценарий которого переделывался двадцать раз, в котором Ньюмен сниматься не хотел, думая, что главную роль сыграет Джин Хекман, и который вызвал недовольство рецензентов.

Что думает сам Ньюмен о всех этих ролях?

Еженедельник «Тайм» как-то обратился к актеру с таким вопросом. Тот согласился ответить. О «Серебряной чаше» его мнение уже известно. Отзыв на киноведа Рокки Грациано сдержанный: «Было забавно».

Примерно так же Ньюмен высказался о большинстве других лент: «До сих пор не могу понять, зачем я там снялся», «Бездельщина», «Явно просчитался», «Лучше не вспоминать о ней».

Есть ли любимые роли и фильмы?

Не так уж и много. Среди них те шесть, за которые Пола выдвигали на соискание так и не полученного им «Оскара», — «Кошка на раскаленной крыше», «Хад», «Хладнокровный Люк», «Преступного намерения не усмотрено», «Пройдоха», «Приговор».

В «Приговоре» Ньюмен играл адвоката Фрэнка Галвина.

Когда смотришь на Ньюмена — Галвина и Ньюмена-медальончика, трудно поверить, что перед тобой один и тот же человек. Адвокат, спившийся, опустошенный, выпотрошенный неудачами и «подножками» тех, кого он считал друзьями. И тот, при виде кого сумасбродные поклонницы, если опять-таки довериться слухам, нередко падают в обморок. Талант перевоплощения у Ньюмена огромный. Но дело не только в таланте, который, как считают критики, в «Приговоре» проявился особенно ярко. Дело и в характере самого Ньюмена, актерском, чисто профессиональном и просто человеческом. Ньюмен видит в себе прежде всего человека со всеми свойственными человеку слабостями, недостатками, обидами, радостями. Ему претит образ «суперзвезды», претит шумиха, создаваемая вокруг «суперзвезд», мешающая различать в них обычных людей. В фильме «Афера» есть сцена, в которой, как считает еженедельник «Тайм», многие глянцевого обитатели Беверли-Хиллс снятые отказались бы категорически. Герой, которого играет Ньюмен, предстает перед зрителями в отвратительном виде: заросшие щетиной щеки, нос, распухший от плиту умывальника, кажется, можно почувствовать запах перегара.

Снимая эту сцену, Ньюмен настаивал на том, чтобы выглядеть как можно более уродливо. Калеча себя на экране, он пытался разрушить образ, созданный для самих себя обывателями, которые привыкли смотреть на Голливуд через замочную скважину. Наверное, в стремлении не отгораживаться от мира голливудскими грезами и являть роскошных особнячков Беверли-Хиллс, в стремлении быть в этом мире не созерцателем, а

участником, действующим лицом; наверное, в этом стремлении жить заботами тех, к кому Ньюмен щедр своим талантом, — объяснение того, почему он не только актер, режиссер, продюсер, но и общественный деятель. Он активист движения за ядерное разоружение.

...Вопрос: Скажите, ваша готовность участвовать в кампаниях политических, ваша активная готовность, скажите, вредит ли она вам?

Ньюмен задумался. Возможно, перебрал в памяти то, что нередко ему приходится выслушивать. Выслушивать от тех, для кого он — политический противник, даже если по профессии коллега. От Чарльона Хестона, к примеру. Молодежавшего голливудца, прославившегося кинематографическим и баснословно дорогостоящим «Бен Гуром», приятельскими отношениями с нынешним обитателем Белого дома и апологетическими, хотя и косноязычными выступлениями по поводу ядерного перевооружения Америки. Задумался. Словно пробежал памятью по не столь уж и редким эпизодам в своей общественной биографии.

Ответ: Это долг для меня. Это — дело чести. И честности.

Не было выпренности в этих словах. Не было красоты.

И еще, добавил Ньюмен: ядерный век многое изменил, многое переделал. Но не способность мыслить. Думать. Даже если мысль предельно проста. Вот как эта: «Мы одна из самых мощных держав на планете. И все же мы можем быть уничтожены. Как могут быть уничтожены и русские».

Сказал это Ньюмен, обращаясь к зрителям. Сказал он это в кратком вступлении к фильму «Война без победителей», фильму, созданному по инициативе ряда антивоенных общественных организаций США.

Война без победителей — это ядерная война.

Ядерная война — это война, в которой будут лишь одни проигравшие.

Об этом говорит Ньюмен, смотря прямо в глаза, прямо в душу зрителей.

...Наверное, только в общественной деятельности он позволяет себе всю исполняемую свою феноменальную популярность, не возводит ее вокруг себя барьеры, которыми привык он отгораживаться от любителей «голливудинки». И когда один из репортеров спросил у него: «Вправе ли вы использовать то внимание, которое, как актер, вы привлекаете к себе, в кампании за ядерное разоружение», — ответ был таким, каким его можно было ожидать от Ньюмена:

«Я не собираюсь отказываться от своих гражданских прав».

...Как сказал про Ньюмена Дэвид Браун, один из продюсеров «Приговора»: «Пол стремится к совершенству во всем. Иначе он не может работать. Иначе он не стал бы тем, кем стал».

«Суперзвездой»? Нет, это все-таки вторичное...

А. ШАЛЬНЕВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры».
ВАШИНГТОН.